

ЭКЗОСФЕРА ПЕСЕННЫХ ТРАДИЦИЙ

УДК 398
ББК 82.3 (2)

«ЗОЛОТОЙ СЛЕД» В КОМИ ФОЛЬКЛОРЕ: ПЕСНЯ ТИПА «ЗОЛОТО ХОРОНИТЬ» В ПЕСЕННЫХ ТРАДИЦИЯХ КОМИ¹

ТАТЬЯНА СТЕПАНОВНА КАНЕВА

(Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина:
Российская Федерация, 167001, г. Сыктывкар, Октябрьский пр-т, д. 55)

***Аннотация.** Работа посвящена проявлениям фольклорного двуязычия народа коми, усвоившего русский песенный репертуар. Объектами характеристики стали варианты игровой песни «Золото хоронить», записанные у коми и хранящиеся в Фольклорном архиве СГУ. Данный песенный сюжет широко бытовал в русских традициях, был связан с игрой, в которой среди ее участников «пряталось» и «обнаруживалось» «золото» (кольцо, булавка и т. п.); при некоторых вариантах цель игры состояла в обозначении симпатии между молодыми людьми. Любовно-брачной атмосфере игры соответствующим образом и мотивы песни: перстень, пара «девица — дворянин», заплетение косы, падение кольца в «калину-малину». Коми варианты этой песни из Фольклорного архива СГУ записаны в 1970–1980-х гг. в трех районах бассейна р. Вычегды. При обращении к данным записям интерес представляет степень адаптации русского фольклорного произведения в иноязычной среде. Сравнив коми варианты песни с собственно русскими, можно заключить, что все они опознаются по «сюжетообразующим» мотивам, тексты демонстрируют разную степень ее усвоения коми певцами. В наиболее адекватном виде представлен текст в усть-вымской традиции; незначительные «темные места» отмечены в короткеросском варианте, в нем же выделяется редкий для песни мотив «золото замело метелицей»; сысольская запись дает пример наиболее искаженного текста. Очевидно, в каждую из трех традиций рассматриваемый сюжет попал своим путем. Работа также включает публикацию трех рассмотренных вариантов песни из коми традиций, выявленных в Фольклорном архиве СГУ.*

***Ключевые слова:** фольклорное двуязычие, народная песня, сюжет, вариант, текстология.*

Как известно, в результате длительных социокультурных контактов коми и русского народов произошло творческое усвоение этническими коми русско-го фольклорного репертуара. В наиболь-

шей степени это явление проявилось в песенных жанрах. Факт бытования русских песен в коми среде был отмечен уже в одной из первых работ по народной культуре Коми края: Н.И. Надеждин, будучи

¹ Работа выполнена при поддержке Республики Коми и Российского фонда фундаментальных исследований: грант РФФИ и Правительства Республики Коми, № 17-14-11001а (р) «Русский песенный фольклор в коми традициях: системное описание и изучение (на материалах Фольклорного архива СГУ)».

сосланным в Усть-Сысольск (нынешний Сыктывкар), в поисках следов «зырянской поэзии» услышал от местного стряпчего следующее суждение: «Песни, которые здесь поются, — все русские, совершенно русские, на чистом российском диалекте. Наши не понимают в них ни слова, а поют твердо и верно. Это феномен, настоящий феномен!» [Надеждин 1839, 273]. Попав на игрище, Н. И. Надеждин и сам убедился, что песни, под которые девушки водили круги, «все русские, хотя из певиц много две-три знали по-русски» [Там же, 275].

В настоящее время феномену фольклорного двуязычия посвящен большой ряд трудов². О русских заимствованиях у коми в работах последних лет наибольшее внимание было уделено песенной культуре юга республики — Прилузского р-на (см., например: [Савельева 2007; Фольклор прилузских коми 2014³; Мусанова 2016]), между тем собирателями накоплен материал и по другим коми локальным традициям, что подводит исследователей к проблеме сравнительной характеристики, требующей объективной оценки имеющихся источников.

Данная работа связана с обозначенной задачей и лежит в русле систематизации русских песен, бытовавших у коми, из Фольклорного архива Сыктывкарского государственного университета. Он сформирован преимущественно на основе материалов научных экспедиций и учебных практик, проводившихся вузом на территории Республики Коми и в пограничных с ней районах Архангельской и Кировской обл. Записи сгруппированы в территориальные собрания, отражающие географию материала и (в определенной степени) локально-региональный подход

к его изучению. Как правило, каждое архивное собрание соответствует конкретному району. Русские песни в исполнении коми певцов имеются в 13 собраниях ФА СГУ⁴.

Русские песенные репертуары каждого из этих собраний (районов) различны и по объему записей (что в основном связано со спецификой собирательской работы), и по степени адаптации в иноязычной среде, и непосредственно по жанрово-сюжетному составу. Количество сюжетов, общих для двух и более собраний (районов/традиций), невелико. К таковым, в частности, принадлежит песня, связываемая с известной игрой типа «золото хоронить» (или «(в) золото (-це)» / «(в) колечко») ⁵. Она выявлена в материалах из трех районов Республики Коми — Усть-Вымского, Сысольского и Корткеросского, все они относятся к бассейну реки Вычегды⁶. Записи выполнены студентами филологического факультета СГУ во время фольклорных практик: в Сысольском (д. Картасикт, 1974 г.) и Корткеросском (д. Паркерос, 1975 г.) районах — на магнитофон (единичные фиксации, сольное исполнение), в Усть-Вымском (с. Усть-Вымь, 1984 г.) — «на карандаш» (7 единиц записи от двух певиц; сольное исполнение) (см. Приложение). Никаких комментариев о бытовании (разыгрывании) песни собиратели не оставили⁷.

Русские варианты этой песни (нам известно более 20 текстов из разных мест — Вологодской, Архангельской, Кировской, Ярославской, Псковской, Калужской, Рязанской, Курской обл. (губ.), Урала, Сибири) строятся на группе мотивов, так или иначе отражающих акциональный план игры⁸. Наиболее полный их набор

² Библиографию см., например: [Дорохова 2017].

³ Здесь же см. библиографию по обозначенному направлению.

⁴ Краткий обзор см.: [Канева 2014].

⁵ Без учета разнообразных деталей можно представить игру как прятание предмета («золота» — колечка, булавки и т.п.) водящим у одного из игроков (в сложенных лодочкой ладонях), еще один из участников игры должен был отгадать того, у кого спрятан предмет; при другом варианте игры водящий осознанно клал предмет тому, кого хотел отметить своей симпатией, тот старался выбежать к нему по команде, преодолевая намеренные препятствия к тому со стороны других игроков. Описания игры см.: [Терещенко 1848, 177–180; Покровский 1994, 188–189; Чичеров 1957, 97–102; Морозов, Слепцова 2004, 698–702].

⁶ Реки Сысола и Вымь являются притоками Вычегды, с. Нёбдино Корткеросского р-на, где также была сделана запись, находится непосредственно на Вычегде.

⁷ На материалах других сыктывкарских архивов с записями коми фольклора данная игра и сопровождавшие ее припевки рассмотрены в работе: [Рассыхаев 2013].

⁸ В данной работе мы оставляем в стороне характеристику других возможных

представлен в одной из ранних публикаций песни — в собрании Н. А. Львова, изданного И. Прачем в 1815 г.⁹:

1) «Прятание золота» («Уж я золото хороню, / Чисто серебро хороню, / Я у батюшки в терему, / Я у матушки в высоко»);

2) «Обращение к девице с просьбой отгадать обладателя предмета» («Гадай, гадай, девица, <...> В коей руке былица, / Змеиная крылица?»);

3) «Ответ девицы» («Уж я рада бы гадала, / И я рада бы отгадывала»);

4) «Поле — коса» («Через поле идучи, / Русу косу плетучи, / Шёлком прививаючи, / Златом приплетаючи»);

5) «Обращение к девушкам (“кумушкам”) с просьбой отдать “золото”» («Ах, вы, кумки, / Вы, голубки, / Вы скажите, не утайте, / Мое золото отдайте»);

6) «Опасения наказания матери» («Меня мати хочет бити / По три утра по четыре, / По три прута золотые, / Четвертой жемчужной»);

7) «Девушка потеряла перстень» («Вечор, вечер молоденька / С дворянином проиграла, / С руки перстень потеряла»);

8) «Перстень упал в смородину, оказался у “дворянина”» («Пал, пал перстень / В калину-малину, / В чёрную смородину. / Очутился перстенёк / Да у дворянина, / Да у молодова / На правой на ручке, / На пальце-мизинце»);

9) «Девушки гадали — не отгадали» («Девушки гадали, <...> Да не отгадали»);

10) «Золото пропало» («Наше золото пропало, / Да и порохом запало, / Да и мохом заросло, / ПризаиндеVELO»);

11) «Призыв к отгадыванию» («Молодайка, / Отгадай-ка!»).

Анализ имеющихся в нашем распоряжении текстов показывает, что наиболее

присоединений к непосредственно «игровым» мотивам, что характерно, например, для вариантов из Вилегодского р-на Архангельской обл., которые отличаются включением в текст целого ряда мотивов плясового характера, см.: [Савельева 1995, № 36–41; Музыкально-поэтический фольклор 2014, № 35, 35а]. На плясовые шуточно-юмористические концовки этой песни указывал и В. И. Чичеров, ссылаясь на материалы Русского географического общества из Рязанской и Нижегородской губ. [Чичеров 1957, 101].

⁹ В первом издании также имеется вариант этой песни, но более краткий [Прач 1790, 179] (то же см.: [Соболевский 1902, № 730]). В настоящей работе опираемся на современную публикацию песни «Золото хоронить» из собрания Н. А. Львова и И. Прача [Львов, Прач 2012, № 131], этот же текст ранее опубликован в: [Прач 1815, 65; Соболевский 1902, № 729; Прач 1955, № 1316].

¹⁰ Подобный повтор мотива «Гадай, девица...» встретился нам еще в одном варианте песни: [Игры народов СССР 1933, № 1078].

¹¹ В вариантах встречаем также «Белица, змеиная крылица» [Покровский 1994, 188–

стабильными являются 1, 2, 4 и 8 мотивы («Уж я золото хороню...» — «Гадай, гадай, девица...» — «Через поле идучи, / Русу косу плетучи...» — «Пал, пал перстень / В калину-малину...»), они составляют своего рода сюжетное ядро песни, хотя последовательность их может быть иной, нежели в представленной схеме.

Из семи текстов, выявленных в ФА СГУ, наиболее близким данной сюжетной схеме является усть-вымский вариант (см. Приложение, № 3): он включает все четыре основных элемента, с той особенностью, что блок мотивов «Гадай, девица...» и «Через поле идучи...» звучит дважды (с некоторыми разночтениями) и выделен в архивных рукописных записях песни как припев. Фрагмент «Через поле идучи, / Русу косу плетучи, / Шёлком приплетаючи, / Златом прививаючи» обозначен как припев и в пошехонской публикации [Балов 1898, 73]. Такой факт повтора части текста (появление «припева») можно связывать с игровой ситуацией, требующей неоднократного обращения к играющим в процессе отгадывания обладателя спрятанного предмета¹⁰.

Кроме обозначенных мотивов усть-вымский вариант включает «обращение к кумушкам-голубушкам» (см. № 5 в приведенной схеме). Реализация мотивов в общем вполне характерна для соотносимых русских текстов. В призыве к девице («Гадай, гадай, девица, <...> в чьей руке былица?») в качестве объекта поиска названа загадочная, но известная и другим вариантам песни «былица», которая часто выступает в паре с не менее загадочной «змеиной крылицей»¹¹ (см., например: [Львов, Прач 2012, № 131] и др.). Как и в усть-вымской записи, «былица» без пары встречается и в ряде других

текстов (см., например: [Сахаров 1838, 48–49; Авдеева 1837, 121–122; Балов 1898, 73; Хороводные и игровые песни 1985, № 9]), но само оформление вопроса с местоимением «чей» является редким¹² (обычно здесь находим вариант с устаревшей формой: «в коей ручке...»).

Усть-вымский вариант в целом выглядит вполне «по-русски» и на языковом уровне практически не обнаруживает следов принадлежности коми исполнителям, но завершается песня «по-коми»:

Благослови кринча,
Сюра пöдöница,
Код кийн да код водзын.

Перечисление посуды — кринки (*кринчи*), «подойницы с носиком» (*сюра пöдöница*)¹³ — выглядит здесь непонятным, тем более в составе фразы со словом «благослови». Однако если оставить в стороне буквальное прочтение этих строк и сосредоточиться лишь на названных предметах, то вполне можно допустить параллель всё с тем же пошехонским вариантом исполнения этой песни: она сопровождала не прятание перстня (или иного варианта «золота») в руках у играющих, а гадание, при котором в разные блюда клали разные предметы (уголь, печинка — кусок глины от печи, щетка, кольцо), указывающие девушкам-гадальщицам на соответствующие характеристики будущего мужа и/или на их судьбу: «Четыре

из гадающих девушек под звуки этой песни вынимают по очереди из закрытых блюд, что кому достанется...» (уголь — «муж будет негодяй и пьяница», печинку — «она сама вскоре умрет», щетку — некрасивый, старый муж и «житье нескладное», кольцо — молодой муж и «счастливое житье») [Балов 1898, 72–73]. Таким образом, в Пошехонье (и, возможно, не только) песня была частью гадания по жребию, в котором использовалась посуда¹⁴; при этом нельзя исключать, что и сам песенный текст мог отразить это обстоятельство, и в вариантах отдельных традиций сохранились именно эти детали.

Но если появление посуды в рассматриваемом фрагменте всё же не поддается однозначной трактовке, то финальная строка наверняка может быть связана с акционально-игровым контекстом: *код кийн да код водзын* (в чьих руках и в чьем перед) звучит как призыв к отгадыванию (поиску) обладателя «золота» (ср. с подобными финальными императивами: «Молодайка, / Отгадай-ка!» [Львов, Прач 2012, № 131], «Отгадывай, красная, / В коей руке былица?» [Сахаров 1838, 48–49], «Извольте, дворяне, отгадывать сами!» [Можаровский 1873, 83], «Отгадай, красавица, / Где ж мой перстень, у кого золотой» [Калужникова 1997, № 22] и т. п.)¹⁵.

Два других коми варианта рассматриваемой песни строятся на меньшем количестве структурно-семантических составляющих.

189; Можаровский 1873, 82]; просто «белица», к этому варианту (из Велико-Устюгского р-на Вологодской обл.) собиратели зафиксировали пояснение исполнителей: «Белица — кольцо» [Морозов, Слещова 2004, 700]. В другом варианте из Вологодской обл. спрятанное «золото» обозначено в песне как «змеюшка, змейная головушка», комментарий исполнителя: «Если змеюшка в правой ручке лежит, дак это хорошо...» [Там же, 701]. В многочисленных записях из Вилегодского р-на Архангельской обл. в этом фрагменте устойчиво обозначена оригинальная пара предметов: «белиц(ц)о», «румянич(ц)о», опубликованные примеры см.: [Савельева 1995, № 39, 40]. Другой оригинальный объект угадывания находим в одной записи из Нагорского р-на Кировской обл.: «Тебе, девка, не сгадать, / Тебе, красна, не сказать, / В чужих ручках да яйцо, / Золотое крылышко» (Зап. от Агриппины Михайловны Труфакиной, 1907 г. р., с. Николаево, Нагорский р-н, Кировская обл. Соб. А. В. Насонова. 1997 г.) [ФА СГУ, АФ 3141–43].

¹² Подобное обнаруживается в курском тексте («Гадай, гадай, девица, / Чьей рукү беліца!» [Резанова 1911, 189], а также — но в прямом вопросе о перстне — в псковском варианте («Гадай, гадай, девица! / Во чьи руки перстень, / Во чьи золоченый» [Шейн 1870, 372–373]).

¹³ Выражаю благодарность в. н. с. ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН Анатолию Васильевичу Панюкову за помощь в расшифровке и интерпретации текстов.

¹⁴ О связи песни-игры «Золото хоронить» и подблюдных гаданий см.: [Чичеров 1957, 97–102].

¹⁵ В материалах из этого же Усть-Вымского р-на, выявленных А. Н. Рассыхаевым, подобный текст квалифицируется как считалка: «Гадай, гадай девица, / Сюра пöдöница, / Код кийн да код водзын? / Благослови Крестос» (Гадай, гадай, девица, / Рогатый подойник, / В чьих руках и перед кем? / Благослови Крестос) [Рассыхаев 2013, 143].

Корткеросский текст (см. Приложение, № 2) непосредственно открывается обращением к девице с просьбой «отгадать» («Гадай, гадай, девица, / Отгадай, красавица»), при этом сам объект угадывания (точнее, поиска) не называется¹⁶. Попутно обратим внимание на то, что удвоенное рифмующееся обращение (девица-красавица) не так часто встречается в вариантах этой песни: можем назвать записи со Среднего Урала [Калужникова 1997, № 22], из Нагорского р-на Кировской обл. [ФА СГУ, АФ 3141-4] и из Вилегодского р-на Архангельской обл. [Савельева 1995, № 36, 40; Музыкально-поэтический фольклор 2014, № 35, 35а].

Второй (срединный) мотив — «...через поле идучи...» — вполне узнаваем, несмотря на искажения в деепричастиях: вместо традиционного «плетучи» в описании действий с косой на звукозаписи слышится «держучи» («русу косу держучи»); еще одно деепричастие в составе сочетания «шелком забываючи» не согласуется с фразой по смыслу, в нем можно усматривать более уместное здесь «завиваючи», хотя в известных нам вариантах именно это слово не отмечено (аналоги: шелком поплетаючи, приплетаючи; прививаючи, пер(е)виваючи, увиваючи; притыкаючи).

Финальным выступает мотив «золото пропало»: «золото» (перстень) замело метелицей («метеліцы замело»), оно «чистым»¹⁷ кóроком запало» — «порохом»¹⁸ или порошей, логично поддерживающей тему метели, инея, снега, в котором исчезает перстень, ср.:

Золото пропало,
И порохом запало [Шейн 1870, 373];

Наше золото пропало,
Да и порохом запало,
Да и мохом заросло,
ПризаиндеVELO [Львов, Прач 2012, № 131];

Мое золото пропало,
Мое золото запало,
ПризаиндеVELO, призаплеснеVELO [Можаровский 1873, 82]¹⁹.

Обратим внимание на то, что в приведенных примерах слово «порох» не имеет эпитета; корткеросское же сочетание «чистый порошок» в контексте «снежной темы» выглядит абсолютно органично²⁰. Примечательно, что в вариантах этой песни из Кировской обл. слово «порох» так же, как в корткеросском, реализуется в составе определенного словосочетания: «Чёрным порохом запало»²¹, / Цветьём заросло, / ПризакуржеVELO» (Зап. от Антонины Афанасьевны Загоскиной, 1911 г. р., д. Качонки, Нагорский р-н, Кировская обл. Соб. Т. С. Канева. 1997 г.) [ФА СГУ, АФ 3116-52]. Здесь оно выступает либо в своем литературном значении (взрывчатое вещество), чему вполне соответствует эпитет «черный», либо в диалектном значении 'пыль' [СРНГ 1996, 83]²². В любом случае тема исчезновения золота в снегу/инее в этом тексте обозначена: ее однозначно передает глагол «призакуржеVELO» (вариант к «призаиндеVELO», см. выше). Кроме того, в одном из нагорских вариантов, как и в корткеросском, она усилена образом метели: «Черным полохом запало, / Светьём замело, / Да призакуржеVELO» [Вятский фольклор 1995, № 440]. В том сравнительном материале, которым мы располагаем на данном этапе, это единственная параллель к мотиву

¹⁶ Такое усеченное начало песни является редким, выявлено также в публикации из Сургутского края, однако здесь этот мотив выглядит более полным — с обозначением искомого: «Гадай, гадай, девица, / Отгадывай, красная, / В коей руке перстень, / В коей позолотый» [Неклепаев 1903, 118].

¹⁷ Или: «чисто» (окончание здесь прослушивается нечетко).

¹⁸ Звук [к] в середине слова возникает в устах коми певицы вполне объяснимо: в коми языке отсутствует звук [х].

¹⁹ Здесь и далее в цитатах из вариантов песни курсив наш. — Т. К.

²⁰ Хотя прилагательное «чистый» здесь может быть и «осколком» «чистого серебра», ср.: «Мое золото пропало, / Чисто серебро пропало!» [Истомин, Ляпунов 1899, 177].

²¹ В другом варианте (очевидно, от той же исполнительницы) видим здесь некий «черный полох»: «Черным полохом запало...» [Вятский фольклор 1995, № 440].

²² Там же зафиксировано значение выражения «запать порохом»: 'растаться, пропасть бесследно' — с иллюстрацией из смоленского варианта рассматриваемой в данной работе песни.

«золото замело метелью» («метелицы (ей) замело»), который сохранился в коми-вычегодском варианте русской песни²³.

Сысольский вариант песни «Золото» (см. Приложение, № 1) содержит больше «темных» мест, сюжетная канва опознается по отдельным формулам.

Зачин выглядит оригинальным и звучит как «Уж {я койгóрдзи}²⁴ моей стук-стук» (или: «Уж я койгóрдзи моей: “Стук-стук!”»). Далее основная часть текста включает «сюжетный маркер» — обращение к девице, где в качестве объекта поиска можно рассматривать «белила» («Гадай, гадай, девица, / Моя рúку белилá»). Следующий за ним фрагмент отдаленно соотносится с другим традиционным мотивом этой песни — «через поле едучи...»:

Уж и ныривыла,
Через {к ду ижурчú},
Да дúшу плясу-плясучú,
Да шёлком приеваючи.

Как видим, относительно внятно здесь воспроизведена лишь одна формульная строка — «Да шёлком приеваючи». Третий (окончательный) сегмент текста не поддается полноценному прочтению и комментированию, лишь одна строка — «Пó три вы́тре, по часты́ри» — обнаруживает следы «порчи» фразы типа «Меня мати хочет бити / По три утра по четыре» из фрагмента «опасения наказания матери» (см., например: [Львов, Прач 2012, № 131]).

Таким образом, три варианта одной русской песни из разных локальных традиций коми отражают разную степень «освоенности» иноязычного текста. Записи из с. Усть-Вымь дают пример наиболее «чистого» его сохранения²⁵ с практически автономным добавлением финального фрагмента на родном языке, и если мы его

верно трактуем, то это пример осмысленного «дополнения», «творческой переработки» [Иванова 2000, 56]. Близок такому бережному усвоению и короткеросский вариант: в нем обнаруживается, по сути, лишь одна семантически затемненная строка, при этом коми певцы сохраняют (или порождают) редкую для текстовой реализации этого сюжета формулу «золото “метелицей замело”». На Сыsole песня подверглась существенным языковым искажениям: лишь 4 строки 12-строчного текста узнаваемы как принадлежащие данному сюжету (при общем сохранении ритмической организации текста). Был ли он при этом более понятным сысольским певцам, чем первый из рассмотренных вариантов — усть-вымским, сказать невозможно, как, впрочем, и о том, насколько были понятны русским певцам такие слова-образы из заглавной песни, как «былица», «змеиная крылица», почему отгадывающая девица (или кто-то другой?) представляется идущей через поле и плетущей косу и т.п. Трудно не согласиться с А.В. Панюковым, представившим интереснейшую характеристику русских заимствований в коми фольклоре, в том, что «фольклорный смысл любого произведения “растворен” в самой традиции и до конца не ясен самим исполнителям» [Панюков 2009, 98]; добавим: и далеко не всегда поддается нашим интерпретациям. Что касается искажений, они «могут возникать спонтанно и в результате коммуникативных ошибок, в ходе трансляции текста и т.п. Поэтому вопрос о лексической адекватности фольклорного произведения гораздо сложнее и шире проблемы освоения иноязычных текстов» [Там же].

Вообще же феномен фольклорного двуязычия был поздно осознан собирателями (несмотря на публикацию

²³ Мотив «золото “пропадает” в снегу», возможно, связан с гаданием, которое привел А.Н. Афанасьев в своем поэтическом мифологическом своде, ссылаясь на «Херсонские губернские ведомости»: «...девицы приносят блюдо снегу, бросают в него кольцо и поручают кому-нибудь разделить между ними снег; в чьей доле окажется кольцо, та в течение года непременно будет замужем» [Афанасьев 1994, 740–741].

²⁴ В фигурные скобки здесь и в Приложении заключены сомнительные фрагменты текста.

²⁵ Подобное характерно для русских песен вашкинских (удорских) коми. Так, Т.И. Орнатская, участница удорской экспедиции Пушкинского Дома 1961 г., отмечала: «Русские песни на Вашке очень любят, относятся к ним бережно, не терпят искажений текста и мелодий. Этим, видимо, объясняется отличная, даже по сравнению с мезенскими, сохранность текстов песен, и если бы не присутствие некоторых постоянных признаков, то невозможно было бы определить, что песня записана от лиц, почти не владеющих русским языком» [Орнатская 1963, 170].

Н.И. Надеждина еще в 1839 г., содержащую такое заключение, — см. начало данной работы), и мы практически уже не имеем возможности получить материал, чтобы судить о понимании так называемых чужих (иноэтнических) текстов самими певцами.

Более глубокая оценка «вхождения» представленных текстов в местные

традиции затруднительна не только в силу единичности записей и отсутствия сведений об особенностях исполнения песни. Специфика этих текстов как музыкально-поэтических явлений, на наш взгляд, требует комплексного (подлинно фольклористического) осмысления, т.е. не только филологического, но и этномузыковедческого анализа.

Приложение

№ 1

Уж я золото хороню, хороню,
Чисто серебро хороню, хороню,
Я у батюшки в терему, в терему,
Я у матушки в высоком, в высоком.

Припев:

Гадай, гадай, девица,
Отгадай, красавица,
В чьей руке былица?
Через поле идучи,
Русу косу плетучи,
Шелком первиваючи,
Златом приплетаючи.

Пал, пал перстень
В калину-малину,
В черную смородину.
Ах, вы, кумушки,
Вы, голубушки,
Вы скажите, не утайте,
Мое золото отдайте!

Припев:

Гадай, гадай, девица,
Нам не гадайся,
Через поле идучи,
Шелком уплетаючи.
Благослови кринча,
Сюра подо́нича,

Код кыиы да код водзын (Зап. от Серафимы Ивановны Поваровой, 1916 г.р., с. Усть-Вымь, Усть-Вымский р-н, Республика Коми. Соб.: Л. Бровкина, И. Стрижова. 1984 г.) [ФА СГУ, РФ 1003–127].

Примечание: Окончание припева в рукописной записи не выделено; очевидно, в первом случае припев оканчивается строкой «Златом приплетаючи», во втором — «Шелком уплетаючи».

Варианты: РФ 1001–32, 37; РФ 1003–191, 497; РФ 1005–108, 109.

№ 2

Га́дай, га́дай, де́вица,
Отга́дай, красави́ца,
Через поле идучи,
Русу ко́су {держучи},
Шёлком забываючи,
Златом приплетаючи.
Да наше золото пропало —
Метели́цы замело,

Чистым ко́роком запало,

{Лёгком ле́го} занесло (Зап. от Агнии Ильиничны Панюковой, 1891 г.р. (урожд. д. Паркерос), с. Нёбдино, Корткеросский р-н, Республика Коми. Соб. И. Чупров, В. Размыслов. 1975 г. Расшифровка Т.С. Каневой (на основе студенч. расшифр. В. Уляшевой) при участии А.В. Панюкова) [ФА СГУ, АФ 1505–16].

№ 3

Уж {я койго́рдзи} моей: «Стук-стук!»

Га́дай, га́дай, де́вица,
Моя ру́ку белила́,
Уж и ныривыла
Через {ко́ду ижурчи́},
Да ду́шу плясу плясучи́,
Да шёлком приеваючи.
{Ёсы гуми́ки да ... ки}

Не до́ро́жки,

Не стру́ не сказал,

По́ три вытре, по частыри,

{Наидо́ш и га́дайдош} (Зап. от Агнии Владимировны Раевской, 72 г., д. Утога, Сысольский р-н, Республика Коми. Соб. студенты коми отделения филологического факультета, 1974 г. Расшифровка Т.С. Каневой при участии А.В. Панюкова) [ФА СГУ, АФ 1610–20].

Примечание: Возможны прочтения первой строки: «Уж якойго́рдзи моей стук-стук», «Уж якой го́рдзи моей стук-стук».

Литература

Авдеева 1837 — Авдеева Е. А. Записки и замечания о Сибири. С приложением старинных русских песен. М., 1837.

Афанасьев 1994 — Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т. III. М., 1994.

Балов 1898 — Балов А. В., Дерунов С. Я., Ильинский Я. Очерки Пошехонья // Этнографическое обозрение. 1898. № 4. С. 69–92.

Вятский фольклор 1995 — Вятский фольклор. Народный календарь / Под ред. А. А. Ивановой. Котельнич, 1995.

Дорохова 2017 — Дорохова Е. А. Этнокультурный билингвизм как предмет междисциплинарных исследований // III Всероссийский конгресс фольклористов (Москва, 3–7 февраля 2014 г.): Сб. науч. ст.: В 5 т. Т. 1. Актуальные проблемы российской фольклористики /

Сост. В. Е. Добровольская, Е. А. Дорохова, И. В. Дынникова, А. Б. Ипполитова. М., 2017. С. 16–30.

Иванова 2000 — *Иванова А. А.* Этническое самосознание как фактор межэтнических культурных взаимодействий // Традиционная культура. 2000. № 2. С. 55–61.

Игры народов СССР 1933 — Игры народов СССР: Сб. матер. Сост. В. Н. Всеволодским-Гернгроссом, В. С. Ковалевой и Е. И. Степановой. Л., 1933.

Истомин, Ляпунов 1899 — *Истомин Ф. М., Ляпунов С. М.* Песни русского народа. Собраны в губерниях Вологодской, Вятской и Костромской в 1893 г. СПб., 1899.

Калужникова 1997 — *Калужникова Т. И.* Традиционный русский музыкальный календарь Среднего Урала. Екатеринбург, 1997.

Канева 2014 — *Канева Т. С.* Русский песенный фольклор из коми традиций в записях Сыктывкарского государственного университета // Славянская традиционная культура и современный мир. Вып. 16. Мультифольклорное пространство Поволжья: Сб. науч. ст. М., 2014. С. 199–206.

Львов, Прач 2012 — Русские народные песни, собранные Николаем Львовым, положенные на музыку Иваном Прачем и опубликованные в 1790–1806 гг. / Изд. подгот. Е. Е. Васильевой, В. А. Лапиным. СПб., 2012.

Можаровский 1873 — *Можаровский А.* Святочные песни, игры и гадания Казанской губернии. Казань, 1873.

Морозов, Слепцова 2004 — *Морозов И. А., Слепцова И. С.* Круг игры. Праздник в жизни севернорусского крестьянина (XIX–XX вв.). М., 2004.

Музыкально-поэтический фольклор 2014 — Музыкально-поэтический фольклор нижней Вычегды (материалы к Своду русского фольклора) / Сост., подгот. текстов, ст. и коммент. А. Н. Власова, Е. А. Дороховой, Т. С. Каневой, З. Н. Мехреньгиной; Отв. ред. А. Н. Власов. СПб., 2014. Разд. III.

Мусанова 2016 — *Мусанова С. С.* Русские лирические необрядовые песни прилузских коми // Традиционная культура. 2016. № 1. С. 85–98.

Надеждин 1839 — *Надеждин Н. И.* Народная поэзия узырян // Утренняя заря: Альманах, изд. В. Владиславлевым. СПб., 1839. С. 260–282.

Неклепаев 1903 — *Неклепаев И. Я.* Поверья и обычаи Сургутского края // Записки Западно-Сибирского отделения ИРГО. Кн. XXX. Омск, 1903. С. 29–230.

Орнатская 1963 — *Орнатская Т. И.* Русская песня на Вашке // Историко-филологический сборник. Вып. 8. Сыктывкар, 1963. С. 161–173.

Панюков 2009 — *Панюков А. В.* Динамика развития коми фольклорных традиций в контексте теории самоорганизации. Сыктывкар, 2009.

Покровский 1994 — *Покровский Е. А.* Детские игры, преимущественно русские. СПб., 1994.

Прач 1790 — Собрание народных песен с их голосами на музыку положил Иван Прач. СПб., 1790.

Прач 1815 — Собрание народных песен с их голосами, положенных на музыку Иваном Прачем. СПб., 1815.

Прач 1955 — Собрание народных песен с их голосами на музыку положил Иван Прач / Под ред. и со вступ. ст. В. М. Беляева. М., 1955.

Резанова 1911 — *Резанова Е.* Материалы по этнографии Курской губернии (детские игры, сороки и др. обычаи, игрища и гаданья, суеверия. Праздники и др. дни. Сказки) // Труды Курской архивной комиссии. Вып. 1. Курск, 1911. С. 172–249.

Рассыхаев 2013 — *Рассыхаев А. Н.* Игра типа «В колечко» в традиционной культуре коми // Вестник Сыктывкарского университета. Сер. гуманитарных наук. Вып. 2. 2013. С. 137–144.

Савельева 1995 — *Савельева Г. С.* Песенно-игровой фольклор // Традиционный фольклор Вилегодского р-на Архангельской обл. (в записях 1986–1991 гг.) / Под ред. А. Н. Власова. Сыктывкар, 1995. С. 74–108.

Савельева 2007 — *Савельева Г. С.* Фольклор с. Прокопьевка Прилузского района: механизмы консервации иноэтнической традиции // Рябининские чтения 2007: Матер. V науч. конф. по изучению народной культуры Русского Севера. Петрозаводск, 2007. С. 382–386.

Сахаров 1838 — *Сахаров И. П.* Песни русского народа. Т. 1. СПб., 1838.

Соболевский 1902 — Великорусские народные песни / Изд. проф. А. И. Соболевским. Т. VII. СПб., 1902.

СРНГ 1996 — Словарь русских народных говоров. Вып. 30. СПб., 1996.

Терещенко 1848 — *Терещенко А.* Быт русского народа. Ч. VII. СПб., 1848.

Фольклор прилузских коми 2014 — Фольклор прилузских коми: справочно-аналитические матер. Науч. изд. / Сост. С. С. Мусанова; Под ред. Т. С. Каневой. Сыктывкар, 2014.

Хороводные и игровые песни 1985 — Хороводные и игровые песни Сибири / Сост. Ф. Ф. Болонев, М. Н. Мельников. Новосибирск, 1985.

Чичеров 1957 — *Чичеров В. И.* Зимний период русского народного земледельческого календаря XVI–XIX веков. М., 1957.

Шейн 1870 — Русские народные песни, собранные П. В. Шейном. Ч. I. М., 1870.

Сокращения

ФА СГУ — Фольклорный архив Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина (г. Сыктывкар)

ФА СГУ, АФ — ФА СГУ, аудиофонд

ФА СГУ, РФ — ФА СГУ, рукописный фонд

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии Института гуманитарных наук Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина: Российская Федерация, 167001, г. Сыктывкар, Октябрьский пр-т, д. 55; тел.: +7 (8212) 39-03-96; e-mail: t-kaneva@yandex.ru

---

“GOLDEN SIGN” IN FOLKLORE OF KOMI: A SONG OF THE TYPE “TO BURY GOLD” IN SONG TRADITIONS OF KOMI

TAT'YANA KANEVA

(Pitirim Sorokin Syktyvkar State University: 55, Oktyabr'skiy av., Syktyvkar, 167001, Russian Federation)

Summary. The work is devoted to the manifestations of folklore bilingualism of the Komi people who have mastered the Russian song repertoire. Objects of the characteristics were variants of the game song “To bury gold”, recorded from the Komi people and stored in the Folklore Archive of the Syktyvkar State University. This song plot was widely used in Russian traditions, it was associated with a game in which “gold” (a ring, a pin or similar items) are “hidden” and then “discovered” among its participants; in some cases, the goal of the game was to designate sympathy between young people. Love-marriage atmosphere of the game corresponds to the images and motifs of the song: the ring, the couple “a maiden — a nobleman”, braiding the braids, the fall of the ring in “Kalina-malina” (namely, snow ball and raspberry bushes). Komi variants of this song from the Folklore Archive of the SSU were recorded in the 1970s and 1980s in three regions of the Vychegda river basin. When referring to these records, the degree of adaptation of Russian folklore in an environment that is foreign is of interest. Comparing the Komi variants of the song with the actual Russian ones, one can conclude that they are all recognized by “plot-forming” motives, the texts show different degrees of assimilation by the Komi singers. The text from the Ust'-Vym tradition is presented in the most adequate form. Minor “dark places” are marked in the Kortkeros version. Sysola record gives an example of the most distorted text. Obviously, the subject matter has its own way in each of the three traditions. The work also includes the publication of three considered versions of the song from three Komi traditions, revealed in the Folklore Archive of the SSU.

Key words: folklore bilingualism, folk song, plot, variant, textology.

Acknowledgements. This paper is financially supported by the Government of Komi Republic and the joint grant of the Russian Foundation for Basic Research and the Government of Komi Republic project No. 17-14-11001a (p) “Russian song folklore in the Komi traditions: systematic description and studies (on material of the Folklore Archive of the Syktyvkar State University)”.

References

- Avdeeva E. A.** (1837) Zapiski i zamechaniya o Sibiri. S prilozheniem starinnykh russkikh pesen [Notes and remarks about Siberia. With an application of old Russian songs]. Moscow. In Russian.
- Afanasev A. N.** (1994) Poeticheskie vozzreniya slavyan na prirodu [Poetic views of the Slavs on nature]. In III vol. Vol. III. Moscow. In Russian.
- Balov A. V., Derunov S. Ya., Il'inskiy Ya.** (1898) Ocherki Poshekhon'ya [Sketches of Poshekhonye]. *Etnographicheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. 1898. No. 1. Pp. 69–92. In Russian.
- Chicherov V. I.** (1957) Zimniy period russkogo narodnogo zemledel'cheskogo kalendarya XVI–XIX vekov [Winter period of the Russian folk agricultural calendar of the 16th — the 19th centuries]. Moscow. In Russian.
- Dorokhova E. A.** (2017) Etnokul'turnyy bilingvizm kak predmet mezhdisciplinarnykh issledovaniy [Ethno-cultural bilingualism as a subject of interdisciplinary research]. In: 3rd All-Russian Congress of Folklorists. Vol. I. Moscow. Pp. 16–30. In Russian.
- Fol'klor priluzskikh komi: spravochno-analiticheskie materialy. Nauchnoe izdanie [Folklore of Luza the river's Komi: reference and analytical materials. Sch. publication] (2014). Syktyvkar. In Russian.
- Igry narodov SSSR [Games of the peoples of USSR] (1933). Leningrad. In Russian.
- Ivanova A. A.** (2000) Etnicheskoe samoznanie kak faktor mezhetnicheskikh kul'turnykh vzaimodeystviy [Ethnic self-awareness as a factor of interethnic cultural interactions]. *Traditsionnaya kul'tura* [Traditional Culture]. 2000. No. 2. Pp. 55–61. In Russian.
- Kaluzhnikova T. I.** (1997) Traditsionniy russkiy muzykal'niy kalendar' Srednego Urala [Traditional Russian musical calendar of the Middle Urals]. Ekaterinburg. In Russian.
- Kaneva T. S.** (2014) Russkiy pesenniy fol'klor iz komi traditsiy v zapisyakh Syktyvkarского gosudarstvennogo universiteta [Russian song folklore from the Komi traditions in the records of the Syktyvkar State University]. In: Slavjanskaya traditsionnaya kul'tura i sovremennyy mir [Slavic folk culture and contemporary world]. Issue 16. Multifol'klornoe prostranstvo Povolzh'ya [Multifolklore space of Volga the river's basin]. Moscow. Pp. 199–206. In Russian.
- Khorovodnye i igrovye pesni Sibiri [Round-playing and playing songs of Siberia] (1985). Novosibirsk. In Russian.

Morozov I.A., Sleptsova I.S. (2004) *Krug igry. Prazdnik i igra v zhizni severnorusskogo krest'yanina (XIX–XX vv.)* [Circle of playing. Holiday and games in the life of the Northern-Russian peasant (the 19th — the 20th centuries)]. Moscow. In Russian.

Mozharovskiy A. (1873) *Svyatochnye pesni, igry i gadaniya Kazanskoj gubernii* [Yuletide songs, games and divinations of Kazan' province]. Kazan'. In Russian.

Muzykal'no-poeticheskiy fol'klor nizhney Vychehdy [Musical-poetic folklore of the Lower Vychehda] (2014). St. Petersburg. In Russian.

Musanova S.S. (2016) *Russkie liricheskie neobryadovye pesni luzkikh komi* [Russian lyrical non-ritual songs of the Komi of Luza]. *Traditsionnaya kul'tura* [Traditional Culture]. 2016. No. 1. Pp. 85–98. In Russian.

Nadezhdin N.I. (1839) *Narodnaya poeziya u zyryan* [Folk poetry among <Komi> Zyryans]. *Utrennyaya zarya* [Morning dawn]. St. Petersburg. 1839. Pp. 260–282. In Russian.

Neklepaev I.Ya. (1903) *Pover'ya i obychai Surgut'skogo kraja* [Beliefs and customs of Surgut territory]. *Zapiski Zapadno-Sibirskogo otdeleniya IRGO* [Notes of the Western-Siberian department of the Emperor Russian Geographical Society]. Omsk. 1903. Pp. 29–230. In Russian.

Ornatskaya T.I. (1963) *Russkaya pesnya na Vashke* [Russian song at Vashka the river's basin]. In: *Istoriko-filologicheskii sbornik* [Historical-philological miscellanea]. Vol. 8. Syktyvkar. Pp. 161–173. In Russian.

Panyukov A.V. (2009) *Dinamika razvitiya komi fol'klornykh traditsiy v kontekste teorii samoorganizatsii* [Dynamics of development of Komi folklore traditions in the context of self-organization theory]. Syktyvkar. In Russian.

Pesni russkogo naroda [Songs of the Russian people] (1899). St. Petersburg. In Russian.

Pokrovskiy E.A. (1994) *Detskie igry, preimushchestvenno russkie* [Children's games, mostly Russian]. St. Petersburg. In Russian.

Rassykhaev A.N. (2013) *Igra tipa "V kolechko" v traditsionnoy kul'ture komi* [Game type "In the ring" in the traditional culture of Komi]. *Vestnik Syktyvskarskogo universiteta* [Herald of the Syktyvkar State University]. Series 8. *Istoriya. Filologiya. Filosofiya* [History. Philology. Philosophy]. 2013. Vol. 2. Pp. 137–144. In Russian.

Rezanova E. (1911) *Materialy po etnografii Kurskoy gubernii (detskie igry, soroki i dr. obychai, igrisha i gadaniya, sueveriya. Prazdniki i dr. dni. Skazki)* [Materials on the ethnography of Kursk province (children's games, "soroki" and other customs, games and divinations, superstitions. Holi-

days and other days. Fairy-tales)]. In: *Trudy Kurskoy arkhivnoy komissii* [Transactions of Kursk archive committee]. Vol. I. Kursk. Pp. 172–249. In Russian.

Russkie narodniye pesni, sobrannye Nikolaem L'vovym, polozhennye na muzyku Ivanom Prachem i opublikovannye v 1790–1806 gg. [Russian folk songs collected by Nikolai Lvov, musicalized by Ivan Prach and published in 1790–1806] (2012). St. Petersburg. In Russian.

Russkie narodnye pesni, sobrannye P.V. Sheinom [Russian folk songs collected by P.V. Shein] (1870). Vol. I. Moscow. In Russian.

Sakharov I.P. (1838) *Pesni russkogo naroda* [Songs of the Russian people]. Vol. 1. St. Petersburg. In Russian.

Saveleva G. S. (2007) *Fol'klor s. Prokopievka Priluzskogo rayona: mekhanizmy konservatsii inoetnicheskoy traditsii* [Folklore of Prokopievka village of Luza district: mechanisms for preservation of foreign ethnic tradition]. In: *Ryabininskie chteniya 2007* [Ryabinin Readings 2007]: Mater. of V Sch. conf. to study the folk culture of the Russian North. Petrozavodsk. Pp. 382–386. In Russian.

Saveleva G. S. (1995) *Pesenno-igrovoy fol'klor* [Song and playing folklore]. In: *Traditsionniy fol'klor Vylegodskogo rayona Arkhangel'skoy oblasti (v zapisyakh 1986–1991 gg.)* [Traditional folklore of Vylegda district of Arkhangel'sk region (in the records of 1986–1991)]. Syktyvkar. Pp. 74–108. In Russian.

Slovar' russkikh narodnykh govorov [Dictionary of Russian folk dialects] (1996). Vol. 30. St. Petersburg. In Russian.

Sobranie narodnykh pesen s ikh golosami na muzyku polozhil Ivan Prach [Collection of folk songs with their voices musicalized by Ivan Prach] (1790). St. Petersburg. In Russian.

Sobranie narodnykh pesen s ikh golosami, polozhennykh na muzyku Ivanom Prachem [Collection of folk songs with their voices musicalized by Ivan Prach] (1815). St. Petersburg. In Russian.

Sobranie narodnykh pesen s ikh golosami na muzyku polozhil Ivan Prach [Collection of folk songs with their voices musicalized by Ivan Prach] (1955). Moscow. In Russian.

Tereshchenko A. (1848) *Byt russkogo naroda* [Everyday life of the Russian people]. Vol. VII. St. Petersburg. In Russian.

Velikorusskie narodnye pesni [Great-Russian folk songs] (1902). Vol. VII. St. Petersburg. In Russian.

Vyatskiy fol'klor. Narodnyy kalendar' [Folklore of Vyatka. Folk calendar] (1995). Kotelnich. In Russian.

ABOUT THE AUTHOR

E-mail: t-kaneva@yandex.ru

Tel.: +7 (8212) 39-03-96

55, Oktyabr'skiy av., Syktyvkar, 167001, Russian Federation

PhD (Philology), associate professor, Russian Philology Department, Institute of Humanities, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University